

1. Алексеев, В.Г. Ценностные ориентации личности и проблема их формирования / В.Г. Алексеев. – М., 1979.
2. Лосский, Н.О. Ценность и бытие: Бог как царство Божие и бытие как основа ценностей / Н.О. Лосский. – Париж: YMCA PRESS, 1931.
3. Федотова, М. А. Житие, почитание и прижизненные чудеса св. Димитрия Ростовского / М.А. Федотова // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский: исследования и материалы. – Ростов, 2008.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ КАК ОСНОВА ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

О.А. Доронина, г. Самара, Россия

Необходимость исследования развития логики естествознания, изучение истории и логики теоретического мышления проявляет себя как одна из потребностей современной науки, поскольку любой анализ природы и логики мышления без учета его историчности не будет являться полным и может привести к ложным выводам. Кризис в физике стал «пусковым» механизмом в процессе методологического перевооружения естествознания. Однако рассмотрение данной проблемы в большинстве случаев строилось на основе анализа становления и смены основных форм мышления. Только в последнее время можно отметить увеличение научного интереса к конкретным исследованиям, в том числе и исследованию соотношения объекта, метода и стиля мышления в естествознании.

Многочисленные исследования стиля мышления в естествознании создают впечатление, что он определяется объектом познания, а, соответственно, переход от одного стиля к другому связан с переходом к исследованию более сложных объектов. Подобная ситуация возникает в том случае, если исследователь ограничивается наблюдением и описанием эмпирического материала, не рассматривая вопрос о зависимости стиля научного мышления от других условий. Вне зависимости от того в каком ракурсе рассматривается проблема стиля мышления в естествознании, обычно выделяют следующие этапы: стиль жесткой детерминации, вероятностный стиль, кибернетический стиль, каждому из них соответствует определенное понимание каузальности.

Согласно А. Эйнштейну, начало науки связано с пониманием приоритета эмпирического опыта, поскольку само по себе логическое мышление не имеет никаких знаний о фактах [3]. С момента становления естествознания осуществляются попытки на языке количественных отношений выразить законы функционирования природных объектов. Подобная ситуация делает возможным открытия что называется «на кончике пера», даже не в формализуемых областях, как это было с открытием факта кровообращения В. Гарвеем. Процесс познания

предстает как математизация знания. В связи с этим основоположниками стиля мышления становятся те науки, которые имеют более развитый математический аппарат.

Чтобы сохранить «объективность» исследования, все элементы целого представляются равноценными, из-за чего развитие понимается как количественно изменение объекта. Вопрос о природе «силы» не возникает, потому что явления и объекты не понимаются, а объясняются. Однако объяснение требует наличие исходных оснований, размышление о которых приводит в бесконечность. Выходом из подобной ситуации является поиск первоначала, не только материального, но и духовного. Все научные усилия направляются на выяснение их взаимодействия, формируя представление о дополнительности одного начала другим для формирования целостной картины мира. Изменения понимаются как линейные причинные связи. Равноценность и обратимость параметров причины подменяется целью и обратной стороной механицизма становится телеология. Для объяснения достаточно сопоставление двух объектов, которые раскроют свою необходимую связь, являющейся случайной по отношению к самому взаимодействию. Поиск голы необходимости, отождествление ее с причиной приводит не к поиску последней, а к поиску закона. Жесткий детерминизм ведет к отрицанию автономности элементов в рамках системы. Подобный стиль мышления, перенесенный из механики в различные области научного знания, не везде был успешен.

Исходным моментом для становления вероятностного стиля мышления стала теория Ч. Дарина. Во второй половине XIX века вероятностный стиль мышления получил свое математическое выражение, что позволило ему стать основой научных идей. При данном стиле мышления описание явления стало многоуровневым, они приобретают структуру, строясь на основе изменения в учении о принципах организации материи. Необходимым становится рассмотрение не только взаимосвязи между двумя объектами, но и учет сложных взаимодействий, что приводит к многозначной необходимости. Таким образом, механический детерминизм, погружаясь в изучение многоуровневых объектов, оборачивается индетерминизмом.

Необходимость рассматривается как определенная тенденция. Причина перестает быть определяющей категорией и помогает вычислить наступление следствия. В результате происходит переход к новому уровню понимания причинности, следовательно – к новому стилю мышления. Однако «статическая причинность», основанная на «суммарной необходимости», является законом, что роднит вероятностный стиль с жесткодетерминированным. Здесь также определяется лишь механизм явлений, а не их причина. И в том, и в другом случае речь идет об одном

стиле мышления, следовательно, и единой методологии, в которой нет места понятию каузальности. Поэтому можно предположить, что новый, вероятностный стиль мышления всего лишь модификация старой эмпирической логики.

Живые объекты обладают большим разнообразием, чем физические, соответственно они требуют новых методов и подходов к проблеме их изучения. Все эти изменения знаменуют собой становление нового стиля мышления – кибернетического. Как замечает Ст. Бир, в области кибернетики учитывается не только разнообразие возможностей, но и определяется их относительная ценность.

По мнению К.К. Одинаева и В.А. Пономарчука, даже этот стиль мышления не позволяет осуществить переход к познанию законов к познанию причин явлений, тем самым не позволяя выйти за пределы механического детерминизма [3]. Исследование открытых систем поставило вопрос о направленности развития, о целесообразности. Введение в процесс исследования категории цели неизбежно требовало отказа от механистического детерминизма. Поскольку в естествознании стиль мышления определяется объектом, то необходимо введение дополнительного принципа, который позволяет сохранить исходную гносеологическую установку и достичь полного знания. Подобным новаторством является принцип дополнительности Н. Бора. Как подчеркивает Д. А. Микитенко, кибернетический стиль мышления синтезировал телеологизм и механицизм [2]. Вероятность не только учитывается, но и происходит ее обобщение. Главным в понимании системы, которая стала не просто живой, но и мыслящей, становится воспроизведение ее структуры и функции. Воспроизведение структуры системы, неважно из каких элементов, должно привести к воспроизведению конкретной функции. Тем самым подчеркивается, что данный стиль является лишь модификацией уже известного эмпирического стиля мышления.

Таким образом, стоит отметить, что при бессубъектном способе рассмотрения истории развития логики естествознания, с большей или меньшей степенью точности, можно описать основные черты каждого этапа развития науки, но не сможем решить проблему: как и почему изменяются методы изучения объектов. Некоторые вариации логики эмпиризма будут приниматься за новые стили, которые, якобы, ведут к разрешению основных проблем. С помощью исходной установки, что именно объект определяет логику развития науки, можно добиться изучения его структуры. Причинно-следственная связь представляет собой абсолютную форму всеобщего закона. Ясно, что попытки объяснить каузальность на основе естествознания оказываются не имеющими смысла, даже если происходят уточнения, добавления, обобщение

исходных терминов. Попытки вывести принципы логики науки из непосредственного опыта не приводят к решению проблемы. Изучение стиля мышления через особенности частного объекта исследования, который задан через общественную систему, приведет к модификации одной и той же логики.

Литература:

1. Кузнецов, Б.Г. Эволюция картины мира / Б.Г. Кузнецов / Отв.ред. В.П. Зубов. –2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
2. Микитенко, Д.А. Взаимодействие генетики с другими науками: философско-методологический анализ / Д.А. Микитенко. – Киев : Наукова думка, 1987.
3. Одинаев, К.К. Проблема стилей мышления в философии и естествознании / К.К. Одинаев, В.А. Пономарчук. – Душанбе : Ирфон, 1984.
4. Устюгова, Е.Н. Стиль и культура. Опыт построения общей теории стиля / Е.Н. Устюгова. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2006.

КАТЕГОРИЯ СВОБОДЫ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Н.И. КАРЕЕВА

Е.К. Дорошкевич, г. Гродно, Беларусь

Свобода – одна из философских категорий, имеющих основополагающее значение для современного общества. В «Новой философской энциклопедии» свободу определяют как идею, «отражающую такое отношение субъекта к своим актам, при котором он является их определяющей причиной и они, стало быть, непосредственно не обусловлены природными, социальными, межличностно-коммуникативными, индивидуально-внутренними или индивидуально-родовыми факторами» [1]. Трактовки категории свободы меняются в постклассической философии, однако обращение к классической философии, в частности позитивизму, позволяют глубже понять генезис современного понимания свободы. Н.И. Кареев (1850 – 1931), историк, один из выдающихся теоретиков позитивизма в российской историографии 70-х гг. XIX – начала XX века, основоположник субъективной школы в социологии (часто ассоциировавшейся в то время с философией истории). Ученый, в целом, не отделяя своих взглядов от свойственного позитивизму объективизма, все-таки находил место в историческом процессе для субъективного фактора. Для нас представляет особый интерес его трактовка роли личности в истории, тесно связанная с категорией свободы. В своих историософских построениях Н.И. Кареев всегда пытается избежать крайностей, придерживаясь «синтетического подхода». Так, признает в истории наличие как закономерного, так и случайного (как пересечения нескольких цепей каузальных связей);